

БРАТЬЯ НАШИ

(короткие рассказы о кошках)

Почему мы называем животных «братья наши меньшие», если они гораздо старше нас на этой Земле, если у них можно поучиться преданности и дружбе, если они не способны подличать и обманывать, прикидываться хорошими и добрыми? И разве только человек? Любое существо ищет любви и раскрывается благодарностью навстречу ей. И может ли человек сравниться с ними в способности так безусловно и бескорыстно любить? Тогда, может, просто — братья наши?

Маркиз

Однажды моим заботам доверили кота по имени Маркиз. Он был любимчиком своей хозяйки Людмилы. Чёрный, с белым галстучком, большой закормленный кот мне не нравился. Он был суетливым, жадным и прожорливым. Своим аппетитом он опровергал известное выражение: «Ест, как кошка». Мы между собой даже стали говорить: «Жрёт, как Маркиз».

Когда начинали готовить мясо, Маркиз просто дурел. Он пронзительно мяукал, тёрся возле стола. В нетерпении встав на задние лапы, он вскидывал передние на стол, вытягиваясь немыслимым образом более чем на метр. Не смущаясь присутствия хозяев, нагло шарил лапой по столу, пытаясь что-нибудь подгрести. Причём, что именно он цеплял, ему видно не было. Маркиз, видимо, представлял, что стол

просто завален кусками мяса и нужно только наловчиться и достать их.

Чтобы отвязаться от кота, хозяйка бросала ему какую-нибудь кость. Тут Маркиз устраивал настоящую расправу над костью, как над поверженным врагом. Он зло и утробно рычал, вцепившись зубами в жилы и, прижимая кость лапами к полу, яростно мотал головой, пытаясь оторвать от неё съедобные кусочки.

Оказалось, что у Маркиза был кодекс кошачьей чести, что для меня обернулось настоящим мучением. Маркиз доказывал хозяевам, что он не зря ест свой хлеб, вернее свой кусок мяса, так как он в исправности выполняет свою кошачью работу – ловит мышей и крыс. Их он и приносил в избушку в качестве доказательства своей службы. Однажды утром, выйдя из избушки, я увидела аккуратно разложенную на крыльце огромную дохлую крысу. В этот момент я ненавидела Маркиза. Трудно придумать более мерзкое занятие, чем убирать эти «трофеи». Крысы и мыши вызывают у меня иррациональный страх и омерзение.

Несколько дней спустя Маркиз появился возле крыльца с мышью в зубах. Было ясно, что он направлялся со своей добычей в комнату. Я встала в дверях, визжа и размахивая руками, пыталась отогнать его. Но кот всё же прорвался через мою оборону и забился под кровать. Я бросилась к соседке тётке Шуре за помощью. Та пришла с веником и выгнала кота на улицу. С мышью он не расстался.

Но всё-таки одна привычка Маркиза мне нравилась: иногда он провожал хозяев на работу. В отсутствие Людмилы кот справедливо считал хозяйкой меня. Маркиз утром выходил со мной за ворота и шёл по переулку до ближайшей улицы. Иногда он заходил так далеко, что я останавливалась

в пол, и его затрясло. И в этот момент, когда кота колотило от страха, и он никуда не убегал, не пытался защититься, а просто бился в ужасе, мне захотелось ударить его со всей силы. И почти одновременно с этим будто кто-то сказал мне: «Стоп. Остановись». Даже если он тысячу раз виноват, я не могу причинять боль этой бьющейся от страха плоти, иначе я что-то нарушу в себе, взломаю что-то человечески важное.

И в этот момент мне стало ясно происхождение жестокости. Когда я увидела его, обезображенного страхом и бессилием, мне захотелось ударить его сильнее, ещё сильнее, и я поняла почему. Это странно, но потому, что довела его такого состояния я, безобидная, хрупкая, миловидная женщина, мать двоих детей, за то, что я явила звериный образ, за то, что он заставил меня изменить своим принципам и стать жестокой. Я хотела выместить всё это на нём.

И я увидела ту бездну, в которую влечёт первый жестокий поступок. Здесь всё очень хитро. Своя вина быстро переносится на тех, по отношению к которым ты совершил жестокий поступок. Они ещё и в этом виноваты, что довели меня до такого! «Вы заставили своим мерзким поведением быть жестоким и таким же мерзким, как вы. Так вот вам, сполна! Получайте!» Душа слепнет и глохнет в один момент. Мы легко возгораемся ненавистью к тем, кто заставляет нас почувствовать собственную ущербность, кто нас разоблачил безо всякого намерения это делать.

Тогда возле трясущегося кота я почувствовала: если не остановлюсь – произойдут непоправимые нарушения в душе, навсегда испортится хрупкий механизм, который блокирует импульсы жестокости и зла. Вот так, после первого же избиения ненавистного кота. Вылетит демон, который, оказывается, притаился и ждёт, когда откроется для

него дверь, когда я совершу такое зло, которое сделает его свободным, даст возможность поработить меня, завладеть мной.

Тогда я поняла, как и почему тысячи обыкновенных людей превращаются в убийц. Дело стоит только за тем, чтобы один – да-да, всего один раз совершить что-нибудь гадкое: ударить, избить слабого, беззащитного, сломать внутри себя тот хрупкий барьер, и тогда от тебя отходит ангел, и поднимает голову демон. И ты уже беззащитен перед ним. И даже проще: достаточно несколько раз посмотреть обиденными глазами на то, как мучают и пытаются, и ты уже можешь сам оказаться в компании палачей.

Для меня прежде было непостижимым, как социальные катастрофы вербуют столько гонителей и убийц, которые в прошлом были обычными людьми, законопослушными, не отличались кровожадностью. Но, оказывается, и я с лёгкостью могу быть жестокой к беззащитному существу.

Юнг, говоря о демонах души, ставил это словосочетание в кавычки. Никаких кавычек! Демоны души так же реальны, как и наше сердцебиение.

Так очевидна стала истина великих: не отвечай злом на зло – это опасно, прежде всего для тебя самого. Но первый такой урок я получила от полосатого кота, имени которого я не запомнила...

Кошачья любовь

Когда наша сиамская кошка просила кота, все остальные события в доме становились мелкими и неважными...

Кошка Златка ни на минуту не позволяла отвлечь от себя внимание. День и ночь она вопила. Несколько лет мы

носили её к Стиве – огромному голубоглазому балинезу. Уверенный в себе красавец обходился с кошками нежно и умело. Начинал он общение со Златой с того, что демонстрировал свои размеры, изящество и красоту. Он выгибал перед ней спину, вытягиваясь вверх на всех четырёх лапах, поворачивался к ней то одной стороной, то другой, поводил хвостом, принимал изысканные, выразительные позы. Словом, показывал, как он неотразим и прекрасен. Златка с этим была согласна. Они хорошо ладили, и кошка приносила нам хороших полубалинезов-полусиамов.

В один из биологических моментов мы не понесли её к Стиве, так как заметили у своих соседей очень красивого кота. Похожий на Златку по окрасу, но только пушистый, кот был, как нам сказали, породы «Невская маскарадная». И какие же должны получиться прелестные котятки!

Этому коту исполнился всего один год, и кошек у него ещё не было. Мы договорились с хозяевами и торжественно, как драгоценный подарок, понесли кота Златке. «Увидит – обалдеет!» – предвкушали мы.

И Златка, действительно, обалдела! Но повод был совсем не тот, который мы предполагали. Она выпучила глаза, пронзительно замяукала и понеслась навстречу коту. И по мере её стремительного приближения мы стали понимать, что цели у неё совсем иные...

Она с диким воплем накинулась на роскошного кота и стала с остервенением драть его когтями. Муж пытался оторвать её от жениха, она в ярости укусила его за палец. Обильно побежала кровь. Жених успел выбежать на площадку и испариться.

Златку же невозможно было унять. Шерсть стояла дыбом, глаза пылали безумной ненавистью. Она скакала и

металась в поисках презренного кота. Нам удалось загнать её в комнату и закрыть. Там она ещё долго урчала и дико озиралась. А бедного жениха мы нашли на десятом этаже. Он сидел на ступеньке, прижавшись к бетонному полу, и дрожал.

А ведь до этого Златка просто изнемогала от своих природных влечений! Три дня и две ночи она вопила до иступления и хрипоты. Когда же мы добыли ей прекрасного, с нашей человеческой точки зрения, жениха - она чуть не разорвала его в клочья.

У меня есть только одно объяснение этому: она любила Стиву и ждала только его. Выходит, есть она, кошачья любовь!